

Мас. 10464

при издании... Французское управление. Бюджет сената и президента, съезд...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

«Уединение», рассказ г. Ант. Чехова (См. «Рус. Мысль», № 11).

I.

Поразительное впечатление производят на нас нелепые стеченные спонны резкими контрастами. С одной стороны нечетная часть в глаза весь блеск европейской культуры: гордо высятся громады шестиэтажных зданий, озаренных электрическими фонарями; гремит железнодорожная колесница, слышатся пароходы; выставки, сады, спектакли, концерты привлекают тысячи народа; с каждой стороны провозглашаются последние слова науки; длинные перлы художественного творчества удивляют и заставляют подражать все Европу. Когда публицист передового журнала в статье, написанной претензией руководить молодое поколение, заявляет, что мы пережили метафизическую стадию умственного развития и вступаем на путь трезвого позитивизма, или что довольно нам испугать в безднх сентиментализма народничества, или что настало время смело шагнуть в глаза горюху, то, тем не менее, читаешь в великой будущности истинный народник и пр. и пр. — вы можете подумать, что и в самом деле автор ведь словенъ мы подразумеваем весь народ русский, все общество, но крайней мере все интеллигентное... Но стоит вам только съехать на любом станцию желательной дороги и отойти верста за 15, но больше, — и весь тотчас же окутывает глухой и непробудный мрак дикого невежества и изумления, полного отсутствия самой элементарной культуры начала средних веков. Какая тут, чорт, последние слова науки, перлы творчества, народничества, марксизма, когда в Маргловке, в Тосно, на Сиверской вы не найдете никого ни где пообедать, ни где переночевать и буквально рискуете быть съеденными волками или запереться. Меня разбирает неудержимый хохот, когда захватить речку о *искусстве* (обратите внимание: именно *искусстве*!) метафизического или положительного миропонимания в нашем отечестве, в то время, когда тут же рядом, в соседней квартирке, содержится кто-то вроде чеховских жертвоприношений...

II.

Рассказ г. Чехова «Уединение», конечно, тем и замечателен, что он знакомит нас с русским действительностью не в той казенной ее форме, в которой она красуется перед нами на Невском проспекте и в Бульварном саду, в аудиториях университетов, в художественных студиях и интеллигентных салонах, но там, однажды словом, где что-то есть, а не просто словесная война, а там, где...

ложная кара. Впрочем, появилась одна газета, которая безпримесно приняла и исполнила предложение

глубины России, где такая тишина», где

«Лучь втерь не днеть воню
Вертикаль предвечныхъ нтъ,
И выгибается дугом,
Целуясь съ матерью-землем,
Колеса безконечныхъ нтъ...»

Перед нами заложены железнодорожная станция Промышля, одиноко стоящая в степи. Кроме станционных строений и трактира, никакого человеческого жилья по соседству видно не было. Трудно и представить себе, что за тоска царяла здесь, особенно зимой, но познать, когда один лишь ветер стонал в телеграфных проволоках и дубовых перелесках.

Г. Ортель первоначально захватил из одного из своих последних рассказов, что существуют на свете Божия убогость, самая судьба, общность характеров своих словно предопределенных для совершенства среди них чего-нибудь ужасного.

Таких мрачных, злобных характеров отличалась станция Промышля.

Трактир, расположенный близ станции, содержался двумя братьями Тереховыми. Старший брат, Яков, был очень красивый старик лет 55-ти, высокого роста, с широким, седым бородом, почти до пояса, и с густыми бровями, придававшими лицу его суровое, даже злое выражение. Носил он длинную поддевку из хорошего сукна или черной романовской полушубок и, вообще, старался одеваться чисто и прилично, каковы носил даже в сухую погоду.

Младший брат, Матвей, был на десять лет моложе Якова, но выражение у него было боляческое, лицо из морщинистых; худая, прозрачная борода сохнула уже поседла, и это стариковое на лицо лет. Говорил он слабым голосом, осторожно и кашлем, брал за грудь и в это время взгляд его становился беспокойным и тревожным, как у очень интеллигентных людей. Он никогда не говорил определенно, что у него болит, но любил даже рассказывать, как однажды на заводе он поднял тяжелый ишиас и надорвался и как от этого образовалась «грыжа», заставившая его бросить службу на извозном заводе и вернуться на родину. А что значить грыжа, объяснить он не мог.

Кроме братьев, семейство состояло из сестры их Агнии, высокой, тонкой, остроумной, злой старухи, и дочки Якова Дашуты, летушней лет 18, некрасивой, в веснушках, всегда грустно одетой и придушенной.

Во втором этаже дома, в котором они жили, носил полка, бывшего когда-то очень динго, никто не жил, окна были набиты тесом и на полу между балок маялись пустые бутылки. Вечером тут стучал и гудел ветер и казалось, что кто-то бегает, сломяком о балки.

Помимо нижнего этажа была налита вода трактир, в другой вытаскилась семья Тереховых, там было слышно в вечерних все до одного слова. Мат-

ними просьбамъ и настояниямъ, митрополитъ Кли-

*) См. № 323 «Новостей».

вѣй жилъ рядомъ съ кухней, въ комнатѣ съ большою печью, гдѣ прежде, когда тутъ былъ ностояный дворъ, каждый день пекли хлѣбъ. Въ этой-же комнатѣ за печкой помѣщалась и Дашутка, у которой не было своей комнаты. Всегда тутъ по ночамъ кричалъ сверчекъ и суетились мыши.

«Жизно семейство и грязно, и несогласно. — «А въ семействѣ нашемъ, — говорилъ Матвѣй, — никакого спокойствія, день-деньской шумъ, брань, нечистота, всѣ изъ одной чашки ѣдимъ, какъ мужики, а щи съ тараканами»...

Не правда-ли, читатель, что есть такіе закаулочки нашей жизни, которые способны разсѣять равномъ дѣлами розовыя иллюзии и стоить заглянуть въ нихъ, чтобы у васъ морозъ пошелъ по коже и явилось по-удержимое стремленіе бѣжать отъ этихъ проклятыхъ мѣстъ, куда видно.

III.

И представьте себѣ, что члены этого уединеннаго и неопытнаго семейства грязлись ни изъ-за чего иного, какъ изъ-за вѣры. Главнѣйшій пунктъ взаимнаго антагонизма между братьями заключался въ различіи ихъ религіозныхъ воззрѣній. У каждого изъ нихъ была своя собственная религія.

Такъ, старшій братъ Яковъ былъ въ своей родѣ буквоедъ, понимавшій религію въ педагогически точномъ и строгомъ исполненіи всѣхъ обрядовъ и предписаній отцовъ церкви. Въ церкви онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Дома у себя онъ каждый день читалъ и пѣлъ псалтырь съ Аггелей. Въ Введеніи въ заутрени вовсе не читали канона и вечерни не служили даже въ большіе праздники, онъ-же у себя дома прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь, и въ свободное время читалъ евангеліе житія. И въ обыденной жизни онъ строго держался устава: такъ, если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрѣшалось по уставу вино «ради труда бѣднаго», то онъ непремѣнно пилъ вино, даже если не хотѣлось.

Онъ читалъ, пѣлъ, ходилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка. Человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры и вѣра должна выражаться правильно, изъ года въ годъ, изъ дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каждое утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу, съ тѣми-же словами и мыслями, какъ приличны данному дню и часу. Нужно жить, а зажить и молиться такъ, какъ угодно Богу, и поэтому каждый день сѣдуешь читать и пѣть только то, что угодно Богу, то-есть, что полагается по уставу; такъ, первую главу отъ Іоанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенія нельзя пѣть «Достойно есть» и пр. Сохраненіе этого порядка и его важности доставляло Якову Мзынчу во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нару-

шить этотъ порядокъ, напримеръ, ѣзжать въ городъ за товаромъ или въ банкъ, то его мучила совѣсть и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

IV.

Молодой братъ, напротивъ того, былъ рационалистъ и въ религію онъ искалъ не одного только удовольствія строгаго исполненія устава, но и спасенія души. Онъ съ малолѣтства былъ уже приверженецъ къ религіи. Ему только двѣнадцать годочковъ было, а уже онъ въ церкви апостола читалъ. Бывало, другіе ребята пѣсни поютъ или раковъ ловятъ, а онъ съ измѣнкой. Когда маменька благословила его на заводъ, онъ тамъ участвовалъ въ хортъ и не было ему лучше удовольствія. Само собою разумѣется, водки онъ не пилъ, табакъ не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную. — Мало-по-малу въ строгости соблюденія устава онъ превзошелъ и брата; кромѣ того, налагалъ на себя вслѣдія послушанія: вставалъ по ночамъ въ поклоны бить, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снегъ выходилъ босикомъ, вериги носилъ.

И вотъ, въ результатѣ всей этой рьяной строгости онъ возгордился душою. Пошелъ къ одному священнику исповѣдаться и вдругъ явилось у него такое мечтаніе: вѣдь, священникъ этотъ женатый, скороникъ и табачникъ; какъ-же онъ можетъ исповѣдывать и отпустить грѣхи, если самъ онъ грѣшнѣе исповѣдуемаго? Другой священникъ толстошисый, въ монашеской расѣ шуршать будто дама, и отъ него тоже табачный запахъ. Въ монастырѣ какъ-то Матвѣю, будто монахи не по уставу живутъ. И нигдѣ не могъ онъ найти службу по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служить очень скоро, въ другомъ, гляди, за достойнникъ не такъ пропѣли, въ третьемъ — дѣлать гнусный. Стоитъ онъ въ церкви, и отъ гнѣва сердца тресется. Какія ужъ тутъ молитвы! И представляется ему, будто народъ въ церкви не такъ впрестиса, но такъ слушаетъ; на него ни поглядитъ, всѣ пьяницы, скоронники, табачники, баудники, картежники, одни онъ живетъ по заповѣдямъ. Послѣ этого сталъ онъ хлопотать, какъ-бы свою церковь устроить.

«Ничего я, — разсказывалъ онъ, — у глухой мѣшани помнатушечку далеко за городомъ, около кладбища, и устроилъ молебную. Въ этой своей молебной я держался устава святой Афонской горы, то-есть, каждый день обязательно утренняя у меня начиналась въ полночь, а въ особѣ чинные двупадосные праздники всеобщая у меня служилась часовъ десять, а когда и двѣнадцати. Монахи, все-таки, по уставу, во время крестнаго и крестнаго садятъ, а я желалъ быть угоднѣе монахамъ и все, бывало, на полахъ. Читалъ я и пѣлъ крестково, со словами и со свѣчами, свѣчки руки, и крестъ съ молитвой, на свѣчи, за работу, да и работамъ все съ молитвой. Ну, можно по горамъ: Матвѣй святой, Матвѣй большій и бѣгущій исповѣдатель. Никого я, конечно, не исповѣдалъ, не крестилъ, какъ только заведется какой расколъ и хлопотаніе, то отъ женскаго мола отбѣгаю. Для меня крестъ нужен на

Первым делом посольства умно уведомить нас.

*) См. № 827 «Новостей».

медь. Поводились по ним разные бабки и старья дѣвки, въ ноги имъ взинаятся, руки цѣлуютъ и причають, что я святой и прочее; а одна даже въ моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ моленной, взялъ я комнату побольше, и пошло у насъ настоящее столпотвореніе, бѣсъ забралъ меня окончательно и заслонилъ свѣтъ отъ очей моихъ своими погаными копытами. Мы всѣ, вроде, какъ-бы взбѣсились. Я читалъ, а бабки и старья дѣвки цѣли, и этакъ, долго не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинаются съ ними трясеніе, будто ихъ лихорадка бьетъ, послѣ этого, то одна крикнетъ, то другая, — и такъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ жидъ на сковородѣ, самъ не знаю, по какой такой причинѣ, и начинаютъ наши ноги прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ, этого, крикъ, визгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣгаемъ, бѣгаемъ до упаду. И такимъ образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ впалъ я въ блудъ...

Но вотъ однажды, въ прощенное воскресенье пришелъ Матвій въ хозяину завода Осипу Варламычу прощаться. Осипъ Варламычъ былъ человекъ безъ образованія, но дальняго ума, всѣ его почитали и боялись, потому что былъ строгій, богоугодной жизни и труженникъ. Городскимъ головой и старостой былъ лѣтъ двадцать и много добра сдѣлалъ. Невозможную улицу всю покрылъ гравіемъ, выкрасилъ соборъ и колонны росписалъ похъ малахитъ.

Затѣмъ онъ за Матвѣемъ дверь и началъ его усовѣщивать; да два часа его отчитывалъ, довелъ до рыданій. «Будь, — говорилъ онъ, — общественнымъ человекомъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса. Вериги, горюхъ, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, моленная твоя отъ бѣса; все, говорятъ, это гордость».

Послѣ того вскорѣ Матвій надорвался и долженъ былъ оставить заводъ; но слова Осипа Варламыча глубоко вѣзались въ его голову. «И я теперь, — заключилъ онъ свой разговоръ, — ѣмъ и пью, какъ всѣ, и молюсь, какъ всѣ... Если теперь, случается, отъ батюшки пахнетъ табаккомъ или винцомъ, то я не держу осуждать, потому, вѣдь, и батюшка, обыкновенный человекъ, но какъ только говорить, что вотъ въ городѣ или деревнѣ завелся, молъ, свѣтой, но нехотѣлъ не ѣсть и свои уставы заводить, то ужъ я понимаю, чѣмъ тутъ дѣла»...

У.

Вотъ это, именно, разогласіе братьевъ въ томъ, какъ слѣдуетъ вѣрить и молиться, и было причиной непримиримой вражды между ними, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разгоралась. Какъ только Матвій пріѣхалъ изъ завода и поселился въ трактиръ, съ первыхъ-же дней онъ сталъ нарушать порядки. Онъ не хотѣлъ молиться никуда, ѣлъ и пилъ чай не по-времени, поздно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко, будто-бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы онъ входилъ въ мо-

ленную и причаля: «Образумьтесь, братцы! Покаяйтесь, братцы!». Отъ этихъ словъ Якова Пивискича бросало въ жаръ, и Аглая, не выдержавъ, начинала браниться. Или ночью подирравшись, Матвій входилъ въ моленную и говорилъ тихимъ голосомъ: «Братцы, ваша молитва не угодна Богу, потому что сказано: прежде смиришь съ братомъ твоимъ, и тогда приидеши, принеся даръ твой. Вы-же деньги за рогъ даете, водочкой торгуете. Покаяйтесь! Пли-же онъ училъ, что надо жить обыкновенно, какъ всѣ. Все это назавось Якову пустяками. Въ словахъ Матвѣя онъ видѣлъ лишь обычную отговорку пустыхъ и нерадивыхъ людей, которымъ говорить о любви къ ближнему, о примиреніи съ братомъ и проч. для того только, чтобы не молиться, не поститься и не читать святыхъ книгъ и которые дразнительно отшучиваются о наставъ и проповѣдяхъ только потому, что не любятъ работать. Вѣдь, быть бѣднымъ, ничего не носить и ничего не беречь гораздо легче, чѣмъ быть богатымъ. Если послушаться и начать брать съ работы дешево и вести дѣло въ убытокъ, то ужъ это будетъ не торговая, а безпорядочная, глупость. А умъ Матвѣя о томъ, что надо жить обыкновенно, какъ всѣ, онъ не понималъ вовсе.

А все-же онъ былъ изловченъ, разорванъ и уже не могъ молиться, какъ прежде. Если онъ входилъ въ моленную и раскрывалъ служебную книгу, какъ ужъ начиналъ бѣситься, что вотъ-вотъ войдетъ братъ и пошутитъ ему, и въ самомъ дѣлѣ, Матвій начиналъ скоро и кричать дрожащимъ голосомъ: «Образумьтесь, братцы! Покаяйтесь, братцы!» Сестра бранилась и Яковъ тоже выходилъ изъ себя, неслыхалъ братъ и причаля: «Пошелъ вонъ изъ моего дома!». А тотъ ему: «Это домъ нашъ общій»...

И вотъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разгоралась, взаимная злоба на религиозно-нравственныхъ разноречіяхъ, наконецъ, страшнымъ преступленіемъ. Яковъ и Аглая убилъ брата Матвѣя. Сдѣлавъ онъ это не заранѣе обдуманно, но по заранѣе обдуманному плану, совершенно неожиданно, въ наступившіи дикой злобы, которая ослабила ихъ рассудокъ, по такому извѣстному поводу, что братъ Матвій задумалъ носить крестъ съ постыми изоломъ въ такой день, когда этого не полагается. Осипъ убійства перенялъ какъ до глубины души, своимъ безобразномъ, часто свѣтскимъ поведениемъ, пороками, вольности, полнотѣ отсутствіемъ нравственнаго пробужденія. Передъ нимъ во всемъ, — а какъ-то дикотинно изобрѣлъ... И такого рода сценки, увеселивъ насъ далеко и глубоко предвзвѣсивъ, восторжествовали въ концѣ 19-го вѣка, въ странѣ, гдѣ себя считали святою! Сильно еще нужно трудъ, чтобы пробить эту дикую чашу неистовства и слѣзать съ этой скалы какою-нибудь волею на людей этихъ обречь дѣломъ порокъ чудовищный

А. Савицкий.